

сословную неполноправность крестьянства, превращавшегося в зависимое сословие. Если на Востоке колонат несколько отличался от колоната на Западе, если там еще сохранялось крестьянство, связанное с городами, как в качестве арендаторов городских земель, так и в качестве арендаторов земель куриалов, то это объясняется не умением правителей восточной половины империи разработать более совершенную фискальную систему, а тем, что на Востоке — в силу меньшего развития рабовладения в целом — кризис рабовладельческого строя протекал менее остро, города оказались более жизнеспособными, и более жизнеспособными оказались хозяйства, входившие в состав городских территорий. Разумеется, нельзя не учитывать, что и предистория колоната была здесь иной, так как каждая из областей империи развивалась на собственной экономической базе, и хотя результаты этого развития были во многом сходны, но тем не менее особенности путей, какими достигались эти результаты, были разнообразны и пестры.

Императорское правительство, защищая интересы фиска, защищало в первую очередь интересы класса крупных землевладельцев, органом которого оно было. Возьмем, например, вопрос о собственном имуществе колона. Палласс считает, что это был вопрос, обусловленный по преимуществу налоговой политикой. Но вот агроном середины IV в. Палладий, повидимому сам крупный собственник и опытный хозяин, начинает свое сочинение с того, что всячески предостерегает землевладельца от колона, имеющего собственную землю. Он пишет, что сдающий участок такому колону наживет только убытки и тяжбы. Очевидно, такой колон, занятый собственным хозяйством, меньше поддавался эксплуатации и, возможно, отказывался работать на господской вилле, обрабатывавшейся уже в основном трудом не рабов, а колонов, о которых Палладий говорит как о *rustici* — крестьянах.

И, конечно, естественнее предположить, что правительство шло по линии превращения владения колона в зависимый от господина пекулий, примеры чему мы уже видели в кодексах, нежели утверждать, что императоры охраняли собственность колона из фискальных соображений, чему мы не видим примеров.

Палласс старается доказать на основании кодексов, что положение колонов на Востоке, вследствие все той же «фискальной мудрости» восточных августов, было гораздо лучше, чем на Западе, что оно вообще было довольно хорошим. Но этому противоречат данные, которые можно почерпнуть из многочисленных источников, в том числе и из речей Либания. Так, например, в речи о заключенных Либаний пишет, что некоторые землевладельцы обращаются с теми, кто обрабатывает их землю, как с рабами, а если эти люди осуждают господ, их заковывают и отправляют в тюрьму как соучастников разбойников¹.

О тяжелом положении колонов свидетельствует и ожесточенная борьба, которую вели восточные земледельцы всех категорий со своими угнетателями. Участие малоазийских крестьян в восстании Прокопия, мятежи исавров, выступление сирийских «разбойников», бегство сельского населения Востока к отшельникам пустынь и гор — как объяснить все эти и многие другие аналогичные факты, если признать благополучным положение восточных колонов и крестьян (которых Палласс соединяет в одну категорию, но скорее для того, чтобы доказать благополучие колонов, нежели чтобы выявить пути деградации крестьянства)?

определялся некогда существовавшими договорами; установленный обычай в принципе не могли нарушать ни колон, ни землевладелец.

¹ Либаний. Речь. Перев. С. П. Шестакова. Речь XLV. Казань, 1913, 4—5.